

ИЗМЕНЕНИЕ ПРАКТИКИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОСТУПА К ПРИРОДНЫМ РЕСУРСАМ У НЕКОТОРЫХ ОЛЕНЕВОДЧЕСКИХ НАРОДОВ СИБИРИ. ПОПЫТКА ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОБОБЩЕНИЯ¹

Б. Донахо², К. В. Истомин³

Аннотация: Практика землепользования и регулирования землепользования оленеводов и охотников гибки и изменчивы: они постоянно адаптируются к изменяющимся условиям экологической и социальной среды. Поэтому особый интерес представляют исследования трансформации данных практик под воздействием экологических и социальных факторов.

Ключевые слова: традиционное хозяйство, землепользование, оленеводство, охотоводство, трансформации, практики, Сибирь, тофалары, тувинцы-тоджинцы, ненцы, сравнительное исследование.

¹ Статья впервые была опубликована в ежегоднике «Расы и народы» в 2007 г. № 33. В нашем журнале публикуется авторами с любезного согласия ответственного редактора ежегодника Д. А. Функа.

² Донахо Брайан — социальный антрополог, доктор наук (PhD), научный сотрудник Института Социальной Антропологии Общества Макса Планка (г. Галь, ФРГ), член редакционного совета журнала «Новые исследования Тувы».

³ Истомин Кирилл Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Социальной Антропологии Общества Макса Планка (г. Галь, ФРГ).

Постоянный адрес статьи: http://www.tuva.asia/journal/issue_8/2648-donaho-istomin.html

**CHANGES IN PRAXIS OF REGULATING ACCESS
OF SOME SIBERIAN REINDEER HERDERS
TO THE NATURAL RESOURCES**

B. Donahoe, K.V. Istomin

Abstract: Praxis of land tenure and legislation of land use at reindeer herders and hunters is flexible and labile: they continuously adapt to the changing conditions of ecologic and social environment. Thus studies of transforms of those praxes affected by ecologic and social factors are of a special interest. Article has first been printed in yearly issue of "Races and people" in 2007, No. 33. It is being reprinted in our magazine by a kind permission of an executive editor of the annals D.A. Funk.

Keywords: traditional farmstead, land tenure, reindeer breeding, hunting, transforms, praxes, Siberia, Tofalars, Todzha Tuvans, Nenets people, comparative study.

Введение. Вопросы организации землепользования в так называемых «традиционных отраслях хозяйства» (к которым относятся, согласно принятой в России терминологии, в основном оленеводство, охота и рыболовство) приобретают в настоящее время все большую важность. В обществе, в том числе и российском, уже достаточно сильно укрепилось убеждение, что обеспечение права коренных народов на владение и свободное пользование ресурсами своей территории в рамках традиционного хозяйства является необходимым условием сохранения и развития этих народов. Тем не менее, конкретные механизмы обеспечения этого права пока не определены. В России, да и в остальном мире, достаточно распространен-

ным является подход, согласно которому проблема реализации прав коренных народов на территорию сводится к законодательному закреплению т. н. традиционной системы организации землепользования (см. напр.: Новикова, 2003, Поворознюк, 2003, Пучкова, 2004). Под последней понимается сложившаяся у того или иного народа практика регулирования доступа к ресурсам (называемая для краткости в данной работе практикой регулирования землепользования), закрепленная в его «нормативной культуре».

При этом, однако, часто игнорируется тот факт, что как сама практика землепользования оленеводов и охотников, так и их практика регулирования землепользования весьма гибки и изменчивы: они постоянно адаптируются к изменяющимся условиям экологической и социальной среды (см.: Крупник, 1989, Рагулина, 2000) и само понятие традиционной системы организации землепользования весьма условно. Поэтому особый теоретический и практический интерес представляют исследования трансформации практики регулирования землепользования под воздействием экологических и социальных факторов. В настоящее время такие исследования активно проводятся на Западе как часть особой отрасли культурной антропологии, изучающей организацию социальных отношений в сфере пользования экологическими ресурсами (экологической антропологии). К сожалению, подобного рода исследования до сих пор редки в России, где внимание этнографов

все еще во многом направлено на изучение «традиционных» форм культуры.

Настоящая работа представляет собой попытку в определенной мере восполнить этот пробел. Ее целью является выявить и объяснить изменения практик регулирования землепользования у оленеводческих народов Сибири. Для этого проведено сопоставительное изучение происходящих в настоящее время изменений такой практики у 3-х групп оленеводческого и охотничьего населения Сибири — тофаларов (тофа), тувинцев-тоджинцев и ненцев Гыданского полуострова. Эти изменения анализируются в свете существующих в настоящее время в западной антропологии воззрений на формирование и изменение практики регулирования землепользования. При этом обращается внимание на ограниченность этих взглядов и предлагается некоторая их модификация. Материалы для сопоставления были собраны непосредственно авторами в ходе многоэтапного полевого исследования в южной Сибири (1998-2003 гг., Брайан Донахо) и на севере Ямало-Ненецкого Автономного Округа (2005-2006 гг., Кирилл Истомир).

Настоящая работа состоит из трех частей. В первой части дается краткое резюме теоретических разработок в сфере изучения практики регулирования землепользования. Во второй части представлен полевой материал, касающийся происходящих в настоящее время изменений в практике регулирования землепользования трех этнических групп. В третьей час-

ти производится анализ полевого материала в свете приведенных в первой части теоретических разработок и делаются теоретические и практические выводы относительно причин и направления изменений практики регулирования землепользования и способности предложенных к настоящему моменту теорий адекватно объяснить их.

Настоящее исследование стало возможным благодаря интеллектуальной и финансовой поддержке, оказанной авторам многими организациями и частными лицами.

Полевые исследования Брайана Донахо были поддержаны специальной стипендией для написания докторской диссертации Fulbright-Hays (1999-2000), фондом Volkswagen Stiftung в рамках проекта по лингвистическому и этнографическому изучению Алтая и Саян (Altai-Sayan Language and Ethnography Project) и Институтом Социальной Антропологии общества Макса Планка. Автор благодарит также Тувинский институт гуманитарных исследований (г. Кызыл, Республики Тыва) за помощь в получении виз и за административную поддержку.

Полевые исследования Кирилла Истомина были проведены как часть совместного проекта Института Социальной Антропологии общества Макса Планка и Университета им. Мартина Лютера (Галь — Виттенберг), «Ориентация в пространстве, восприятие пространства и использование пространства на краю Арктики». Проект финансировался Гер-

манским Научно-Исследовательским Сообществом (Deutsche Forschungsgemeinschaft). Автор приносит благодарность Музею им. Шемановского (г. Салехард) и администрации СПК «Тазовский» за помощь в проведении исследований.

1. Попытки теоретического осмысления практики регулирования землепользования в западной антропологии

Большинство предложенных на западе теоретических объяснений практики регулирования землепользования, так или иначе, исходят из базовой посылки, что эта практика необходимо возникает как реакция на усиление конкуренции за эти ресурсы и является инструментом разрешения конфликтов, связанных с этой конкуренцией. Эта посылка проистекает из многовековой традиции европейской гуманитарной мысли — ее можно возвести к философским идеям Джона Локка, считавшего, что собственность есть единство материального объекта и труда вложенного в его производство или присвоение, и Томаса Гоббса, утверждавшего, что право собственности (как и социальная организация — общество) возникает из необходимости избежать «войны всех против всех» за необходимо ограниченное количество продуктов потребления и ресурсов для их производства (см.: Локк, 1988, Гоббс, 2001). Интеллектуальная традиция, берущая начало из этой философской основы, была продолжена в знаменитой теории права

собственности Гарольда Демшеца, утверждающей, что «возникновение новых прав собственности есть реакция на стремление взаимодействующих субъектов приспособиться к новым возможностям соотношения прибылей и издержек» (Demsetz, 1967: 350), и в трудах Гаррета Гардина (1968), которые, в свою очередь, легли в основу собственно антропологических теорий Рады Дайсон-Хадсон, Эрика Алдена Смита и Елизабет Кашдан. Данная интеллектуальная традиция анализа практики регулирования доступа к территориальным ресурсам носит общее название «Эволюционной теории земельного права» (Platteau, 1996; see also: Banks, 2002; Field, 1989; Witt, 1987)

С точки зрения этой теории, чем сильнее конкуренция за тот или иной ресурс, тем жестче социальное регулирование доступа к нему и тем более определенными становятся общественно признанные права собственности на него. Усиление конкуренции за ресурсы, в свою очередь, прежде всего, связывается с увеличением их ценности, которое может произойти по множеству причин: увеличение населения, вызывающее повышенный спрос на ресурсы; уменьшение количества самих ресурсов из-за их неконтролируемого потребления; технологические инновации, делающие возможным добычу, переработку и потребление ресурсов, имевших до этого малую ценность; открытие новых рынков сбыта и т. д. Наиболее известным примером теории, основанной на этих посылаках, может служить знаменитая «теория трагедии общего (Tragedy of the

Commons)» Гаррета Гардина (Hardin, 1968). Эта теория, впрочем, подвергалась и подвергается ожесточенной критике, основанной, главным образом, на эмпирических примерах успешного управления общей собственностью в различных культурах, саму возможность которого она отрицает (Bromley 1992; Feeny, Berkes, McCay and Acheson, 1990; Hann, 2006; McCay and Acheson, 1987; Ostrom, 1990; Ostrom, Gardner and Walker, 1994; Ostrom et al., 1999; Ostrom et al., 2002).

Многие из наиболее обсуждаемых в настоящее время в западной литературе теоретических объяснений практики регулирования доступа к ресурсам задействуют, помимо указанных выше посылок, результаты этологических исследований территориальности животных (Dyson-Hudson & Smith, 1978: 22-23) и, как следствие, подчеркивают роль экологических детерминант в формировании и трансформации этой практики (см. напр.: Hallowell, 1949; Cooper, 1939; Cashdan, 1983; Dyson-Hudson and Smith, 1978, Casimir, 1992). Наиболее известной в данной группе исследований является работа Рады Дайсон-Хадсон и Эрика Аддена Смита. В ней авторы пытаются использовать модель «экономической защищаемости территории» (economic defendability), как функции отношения потенциальной выгоды от права единоличного пользования территорией к издержкам связанным с защитой этого права, для объяснения практики землепользования у «локально адаптированных человеческих популяций» (Dyson-Hudson and Smith,

1978: 21). Сама «модель экономической защищаемости» заимствована ими из исследования территориального поведения птиц, опубликованного в Бюллетени Орнитологического Общества Вильсона (Brown, 1964). На первый взгляд, предложенная авторами модель основывает практику регулирования доступа к ресурсам на рациональном выборе и, таким образом, признает за членами «человеческой популяции» известную степень свободной воли и возможность принимать решения. С другой стороны, однако, эта модель, основанная на странной смеси биологической этологии со сложными рациональными вычислениями характерными более всего для современных бизнес стратегий, описывает практику землепользования исключительно извне. Она не объясняет реальные культурно-социальные процессы, ведущие к формированию или изменению «человеческой территориальности». Она объясняет лишь конкретно наблюдаемое «территориальное поведение». В этом смысле, данная модель никак не связывает практику землепользования с рациональным выбором — рациональность появляется лишь на стадии анализа, причем это рациональность самих исследователей, привнесенная ими извне для объяснения человеческого поведения¹. «Локально адаптированные человеческие популяции» рассматриваются исследователями так, словно их поведение основано на биологических инстинктах адаптированных к экологической среде, подобно поведению популяций птиц, медведей или пчел, а политиче-

ские, экономические и социальные мотивы человеческого поведения попросту игнорируются. Для проверки своей модели, авторы привлекают «материал по нескольким локально адаптированным популяциям, у которых взаимосвязь между социальной организацией и экологическими параметрами наилучшим образом поддается экологическому анализу» (Dyson-Hudson and Smith, 1978: 22). Поступая так, они заранее исключают влияние политических и экономических факторов, точно люди в их исследовании «не имеют истории» (Wolf, 1982) и на них не влияет внешнее окружение².

Другая известная попытка теоретически осмыслить практику землепользования принадлежит Элизабет Кашдан (Cashdan, 1983). Кашдан, в целом, соглашается с подходом, предложенным Дайсон-Хадсон и Смитом, называя его «экологической теорией территориальности». Она отмечает, однако, что модель экономической защищаемости нельзя использовать во всех случаях, и, таким образом, необходимо найти новые способы «приложения биологических моделей территориальности к человеческим коллективам охотников и собирателей» (Cashdan, 1983: 47). С этой целью автор анализирует (на базе литературных источников) практику регулирования доступа к ресурсам у четырех групп южноафриканских бушменов, проживающих в различных экологических условиях. Целью анализа является проверка утверждения, следующего из «экологической теории территориальности», что «территориальность

можно обнаружить только там и тогда, где и когда ее выгоды превышают издержки» (там же). В результате анализа Кашдан приходит к выводу, что данное утверждение в случае рассматриваемых ею групп не работает. Исследователь пытается объяснить это, постулируя различие между территориальностью основанной на «защите периметра» (perimeter defense) и территориальностью основанной на «защите социальной границы» (social boundary defense). «Экологическая теория» способна объяснить только случаи «защиты периметра», в то время как весьма распространенные случаи регулирования доступа к ресурсам основанные на «защите социальной границы» требуют отдельной объяснительной модели.

Центральным элементом теории Кашдан является, таким образом, противопоставление двух видов практики контроля доступа к ресурсам: «защиты периметра» и «защиты социальной границы». Сама Кашдан описывает это противопоставление следующим образом: «Я постараюсь доказать, что у охотников и собирателей существует два различных механизма, с помощью которых контролируется доступ к ресурсам территории: а) открытая конкуренция за территорию, выражающаяся в защите периметра границ определенных участков и б) взаимный альтруизм, при котором контролируется доступ в социальную группу (имеющую права на использование территории, которые в свою очередь, обычно не оспариваются — Б. Д., К. И.)» (там же: 49). Среди этнических групп, исполь-

зующих механизм «защиты социальной границы» для контроля доступа к ресурсам Кашдан называет многие группы австралийских аборигенов, бушменов, некоторые группы эскимосов, атабасков и алгонкинов (там же). «У этих охотников и собирателей, социальные группы ассоциируются с определенной территорией, границы которой, однако, четко не определены и связаны только с особенностями ландшафта. Более того, поскольку взаимный доступ включает в себя право индивидуумов свободно пересекать границы территорий и менять групповую принадлежность, социальные единицы, особенно в короткие промежутки времени, не совпадают с единицами территориальными» (там же: 50).

Рассуждение, с помощью которого автор приходит к этому выводу, равно как и приводимые ею доказательства выглядят весьма убедительно. Однако, подобно Дайсон-Хадсон и Смигу, Кашдан полностью игнорирует фактор внешнего, в том числе политического, влияния на практику землепользования и рассматривает анализируемые ею группы бушменов как «лишенные истории». В этом смысле она повторяет классическую ошибку большинства исследователей охотников и собирателей, которые, как указывает Нурит Берд-Давид, исходят в своих рассуждениях «из трех аксиом: изолированности, «чистоты» присваивающей экономики и положения данных обществ вне времени» (Bird-David, 1995: 17). Отсюда же проистекает и известный взгляд, что «охотники и собиратели в

большей степени, чем другие группы напоминают животных; иначе трудно объяснить, почему биологические модели территориальности с такой настойчивостью прилагаются именно к ним» (Annette Hamilton in Cashdan, 1983: 60). Джеффри Эренрайх в ходе своей дискуссии с Кашдан отметил: «Очень жаль, что исследование направлено на объяснение явления территориальности. Вне зависимости от того, насколько широко трактуется это понятие, оно все-таки содержит известный элемент биологизации. Я не вижу никаких теоретических причин объединять в одно понятие, обозначаемое термином «территориальность», такие различные по сути явления, как контроль, использование и защита определенной территории, особенно когда существует риск стирания границы между биологией и культурой» (Ehrenreich in Cashdan, 1983: 58).

Наконец, следует упомянуть попытку выявить и объяснить различные виды практики регулирования доступа к ресурсам, предпринятую Тимом Ингольдом (Ingold, 1987). Проанализировав обширный этнографический материал по практике землепользования у различных этнических групп, этот автор приходит к выводу, что можно выделить «три различных вида регулирования прав на землю: лишенный измерений (<когда регулируется доступ> к отдельным местам, пунктам, географическим точкам), одномерный (права на пути или тропы) и двумерный (права на участки территории)» (Ingold, 1987: 147-148). Конечно, предложенные Ингольдом термины не со-

всем удачны, поскольку любой объект, доступ к которому регулируется, имеет, на самом деле, три измерения и поскольку всегда может быть справедливо поставлен вопрос о размере и границах «лишенного измерений» места или пункта. Действительно, какой должна быть площадь этого «места», чтобы мы смогли назвать его «участком», а практику регулирования доступа к нему «двухмерной»? Тем не менее, предложенная Ингольдом классификация, по нашему мнению, имеет большую аналитическую ценность, поскольку выделенные им категории хорошо коррелируют с другим аспектом практики регулирования доступа к ресурсам, а именно определенностью субъекта прав на такой доступ. В случае, когда объект доступа «лишен измерений», права на доступ к нему оказываются наиболее неопределенными, в то время как в случае «двумерного объекта» определенность группы лиц имеющих такие права наиболее велика. Сам Ингольд утверждает, что существует также корреляция между размерностью практики регулирования доступа к ресурсам и занятиями и образом жизни группы, осуществляющей эту практику. Так он считает, что регулирование доступа к «лишенным измерений» и «одномерным» территориям характерна для охотников, собирателей и кочевых животноводов (в том числе и оленеводов), в то время, как «двухмерность» характерна для оседлых земледельцев (Ingold, 1987: 147-148). Этнографический материал, в том числе и приведенный ниже в настоящей работе, заставляет усомниться в

этом выводе. Тем не менее, пожалуй, можно поставить вопрос о связи «размерности» практики землепользования со степенью мобильности группы. К этому вопросу мы вернемся в заключительной части настоящей работы.

Обобщая все вышеизложенное, можно кратко суммировать существующие в настоящий момент в западной антропологии воззрения на практику регулирования доступа к территориальным ресурсам следующим образом: практика регулирования доступа к территориальным ресурсам возникает и изменяется под воздействием изменения ценности этих ресурсов и связанного с ним усиления или ослабления конкуренции за них между индивидами и группами, причем с увлечением ценности ресурсов и усилением конкуренции, регулирование доступа становится более жестким, а сами права доступа ограничиваются все более определенной группой лиц. Сама практика регулирования доступа к ресурсам может выражаться как в регулировании доступа непосредственно к территории путем защиты ее границ, так и в регулировании доступа в социальную группу, ассоциируемую с территорией (границы которой остаются в этом случае неопределенными) и имеющую неоспариваемое право распоряжаться ее ресурсами. Было высказано мнение, что первый из этих способов регулирования доступа возникает тогда, когда издержки связанные с защитой границ территории ниже потенциальной выгоды от единоличного пользования ею — в противном случае

используется второй способ. Наконец, объектом регулирования может стать доступ к определенным пунктам, к путям передвижения (например, кочевым путям) и к участкам территории, причем вид (размерность) объекта регулирования коррелирует со степенью определенности группы лиц, за которыми признается право доступа к нему.

В следующих частях настоящей работы мы рассмотрим, насколько эмпирический материал по изменению практики регулирования доступа к ресурсам у оленеводческих народов Сибири соответствует этим воззрениям.

2. Изменение практики регулирования землепользования у оленеводческих народов Сибири

1.1. Тазовские ненцы. Тазовские ненцы населяют лесотундровую и непосредственно примыкающую к ней часть тундровой зоны современного Тазовского района Ямало-Ненецкого Автономного Округа. Ареал их кочевания, лежащий по обеим сторонам реки Таз, с административной точки зрения представляет собой территории Тазовского и Находкинских сельсоветов этого района. Группа имеет собственное самоназвание (*Тасу'' хасаво'* — досл. «люди реки Таз»), под которым противопоставляет себя кочующим к северу от нее Гыданским ненцам (*Вы'' хасаво'* — люди тундры), а также, определенных случаях, другим группам ненцев. В качестве осно-

ваний для противопоставления выступают различия в технологии выпаса оленей, практике кочевания, некоторые различия в бытовом поведении и языке. Тем не менее, тазовские ненцы осознают свою принадлежность, вместе с другими группами, к «настоящим людям» (*Ненэй хасаво'*, т. е. ненцам) и, под этим самоназванием, противопоставляют себя другим этносам.

Сведения об образе жизни и хозяйстве тазовских ненцев в период до коллективизации весьма фрагментарны. По ним, однако, можно заключить, что хозяйство этой группы было многоотраслевым, и, в отличие от хозяйства ненцев, например, центрального Ямала, базировалось приблизительно в равной мере на оленеводстве и рыболовстве (Дунин-Горкавич, 1904: 52-53). Судя по материалам Тойво Лехтисало, посетившего низовья Таза в 1910 году, в период с мая по начало декабря часть тазовских ненцев жила более или менее оседло, отдав свои стада на выпас своим кочующим родственникам и занимаясь ловом рыбы в Тазовской губе и реке Таз (Lehtisalo, 1959, см. также: Дунин-Горкавич, 1904: 52). Другая часть круглый год вела кочевой образ жизни (Lehtisalo, 1959). Многоотраслевая основа хозяйства сохранялась и в советское время, когда в колхозах, а затем и в совхозах на летнее-осенний период создавались специализированные рыболовецкие бригады, распущившиеся зимой. Сезонная оседлость части тундрового населения, очень напоминающая описанную Лехтисало, сохранилась по сей день и была зафиксирована в ходе полевой работы.

Домохозяйства (семьи) тазовских ненцев подразделяются на «рыболовные» (*халя' йиртя*) и «оленоводческие» (*ты' пэртя*)³, причем почти каждая «рыболовная» семья имеет родственников среди оленеводов и наоборот. На протяжении последних десятилетий существует четкая тенденция увеличения числа «рыболовных» семей и уменьшения числа оленеводческих. Эта тенденция имеет экономические причины, которые будут обсуждаться ниже. Оленеводческие семьи ведут полностью кочевой образ жизни, объединяясь для совместного выпаса оленей в «стойбища» (*мя'*)⁴ по 4–7 домохозяйств (чумов). Большинство домохозяйств в стойбище связано между собой отношениями родства, хотя все обследованные оленеводческие стойбища включали по крайней мере одну семью, с которой другие домохозяйства не имели родственных связей. В 2005–2006 годах 5 оленеводческих стойбищ тазовских ненцев все еще официально считались оленеводческими бригадами СПК (бывшего совхоза) «Тазовский» и, помимо оленей принадлежащих входящим в них домохозяйствам и их родственникам-«рыболовам», выпасали оленей принадлежавших СПК. Последние, впрочем, ни в одном из стойбищ не составляли большинства стада. Каждое стойбище имеет лидера, которого как в бригадах СПК, так и в стойбищах частных, называют русским словом «бригадир». Его влияние, впрочем, сильно ограничено и, даже в бригадах СПК, не имеет формального характера и держится исключительно на личном авторитете⁵.

Кочевки оленеводческих стойбищ имеют круговой характер с возвращением по несколько раз в год на одно и то же место. Определенных маршрутов кочевания не имеется⁶. Тем не менее, все перекочевки стойбища совершаются в пределах достаточно определенного участка территории, размером приблизительно 60 x 60 километров, который оленеводы этого стойбища называют «своей землей» (*ява''*). Границы этой территории, обычно проходящие по руслам рек, водоразделам или границам растительных зон (облесенных участков, зарослей ерника и т. д.) осознаются оленеводами достаточно четко. За пределами этих границ находятся земля (*я*) других стойбищ, обозначаемая обычно именем или прозвищем их «бригадиров» (например, *Павел-ниша' я* — земля отца Павла, *Немечи' я* — земля Немечи («неспящего»), и т. д.). По этой земле данное стойбище не кочует и своих оленей там не паст, хотя оленеводы могут свободно проезжать через нее во время поездок в гости или в поселок, а также охотится или ловить там рыбу. Таким образом, действующая в настоящий момент практика регулирования доступа к ресурсам у тазовских ненцев-оленевонов, во-первых, касается лишь регулирования доступа к пастбищам, а во-вторых, состоит в закреплении за каждым оленеводческим стойбищем участка территории с определенными границами («двухмерного участка», в терминологии Т. Ингольда).

Поскольку участки имеют определенные границы, то с точки зрения описанных выше теоретических взглядов на практику регулирования землепользования следовало бы ожидать, что основным механизмом этой практики будет «защита периметра», как ее понимает Кашдан. Однако, полевой материал свидетельствует, что это не так. В обычных условиях, тазовские ненцы-оленеводы не только не предпринимают никаких действий, чтобы воспрепятствовать приходу других стойбищ с их стадами на свою землю, но такое нарушение границы само по себе даже не считается чем-то абсолютно неэтичным. Нарушения, однако, случаются довольно редко, и следующая выдержка из интервью с информатором объясняет, почему:

«Информатор: Наша земля кончается на этой стороне Русской (название реки). На той стороне уже Бугор пасет (Бугор — прозвище «бригадира» соседнего стойбища)

Автор: А что будет, если вы со стадом на ту сторону переправитесь?

Информатор: Мы так делать не будем.

Автор: Почему? Что мешает?

Информатор: Потому что стада наши тогда смешаются. Через реку олени сами не пойдут, а если мы ее перейдем, то там препятствий нет — как отпустишь оленей, стада сразу объединятся. И Бугру достанутся — он ведь знает, где у него земля потоптана, где нет, и куда олени, значит, пойдут. Он их

всех, значит, и соберет, а мы потом будем у него наших оленей выпрашивать. Нам не надо.

Автор: Значит и Бугор поэтому не будет сюда переправляться?

Информатор: Не будет. Знает, что его олени тогда к нам убегут. Мы-то их живо здесь разыщем, а он утром их не соберет».

Для того, чтобы правильно понять эту выдержку, следует учесть, что у тазовских оленеводов, в отличие от оленеводов Ямала и Большеземельской тундры, стадо не находится под постоянным надзором пастухов за исключением периодов отела и активного лета комара. Пастухи в основном дают животным пастись самостоятельно, собирая и пригоняя их к стойбищу несколько раз в сутки (обычно дважды) для проверки и замены ездовых оленей. При сборе оленей пастухи опираются на свое знание поведения животных, территории выпаса и состояния пастбищ (один из наиболее важных факторов, влияющий на перемещение оленей), что позволяет им достаточно точно определить местоположение различных частей стада. Поэтому, нарушение границы территории не выгодно, прежде всего, самому нарушителю. Во-первых, переход границы, которая, как уже было сказано, обычно совпадает с реками, водоразделами и границами растительных зон и является, поэтому, труднопреодолимой для оленей, резко увеличивает опасность смешения оставляемых без надзора стад. Во-

вторых, если такое смещение произойдет, нарушитель окажется в заведомо проигрышной позиции: хозяева, обладая более точными знаниями о территории, а главное — о пастбищной ситуации («где земля потоптана»), наверняка сумеют первыми обнаружить и собрать объединившиеся стада. Олени нарушителя окажутся, таким образом, под их контролем, что позволит им диктовать нарушителю свою волю и ставить условия сопряженные с возвращением животных. Условия эти, кстати, могут быть достаточно жесткими и вести к большим потерям для нарушителя.

То, что поддержание границ пастбищных территорий у тазовских оленеводов основано на логике именно такого рода, подтверждается и их реакцией на реальные факты нарушения границ их территории другими стойбищами. Во время полевой работы мы столкнулись только с одним фактом такого рода, причем нарушение произошло в период активного лета комаров, когда стада находились под круглосуточным надзором. Кроме того, направление ветра, — еще один важный фактор влияющий на поведение оленей особенно в комариный период, — было таково, что опасность смещения стад была минимальной. Узнав о приходе нарушителей, хозяева прежде всего усилили надзор за своим стадом, чтобы исключить попадание их оленей в чужое стадо. Затем они стали ждать, что нарушители либо в ближайшее же время (до изменения направления ветра) покинут их землю, либо явятся к ним с

разъяснениями и просьбой откочевать подальше вглубь своей территории, уменьшив тем самым опасность смешения стад. В этом случае ожидалось, что нарушители предложат оплату доброй воли хозяев оленями или ценными вещами. Примечательно, что ни у кого из членов стойбища не возникло даже мысли предпринять что-либо для выдворения нарушителей — наоборот, все они действовали исходя из убеждения, что соседи своим нарушением создали для себя серьезную проблему и должны либо исправить ее сами (уйдя обратно), либо попросить помощи, при этом заплатив за нее. Нарушители действительно ушли через два дня, еще до перемены ветра.

Собранный в ходе полевой работы материал позволяет предположить, что данная система регулирования доступа к пастбищным ресурсам существует, в своих основных чертах, уже достаточно давно, и практика землеустройства советского времени была скорее приспособлена к ней, нежели находилась с нею в противоречии. На карте землеустройства бывшего совхоза «Газовский» вся его территория разделена на 24 пастбищных участка, каждый из которых предназначен для одной оленеводческой бригады⁷. Размеры пастбищных участков — в среднем 60 x 60 км — соответствуют таковым у современных территорий используемых стойбищами. Основное отличие зафиксированных в ходе полевой работы территорий от совхозных пастбищных участков заключается в том, что границы последних далеко не всегда совпадали с естествен-

ными препятствиями для движения оленьих стад. Однако, по сообщениям оленеводов-пенсионеров, именно поэтому они далеко не всегда соблюдались, и разграничение осуществлялась на практике по таким препятствиям, даже если они не совпадали с официальными границами: «По карте, граница между нами и 8-ой бригадой была прямо по лапте. Как я буду следить, чтобы олени ее не перешли? Стоять там постоянно, так что ли? И в 8-ая это тоже знали, поэтому мы пасли до Мороз-яхи, а они за Мороз-яхой, и все знали, и всем было хорошо». С другой стороны, по тем же сообщениям случаи нарушения границ территорий случались в советское время гораздо чаще. Информаторы подтверждают, что это было связано с двумя причинами — большим количеством оленеводческих стойбищ и тем фактом, что большинство оленей в стадах было совхозными: «Людей в тундре больше было, было тесно. Потом, олени-то совхозные были — если они даже к соседям убегут, то те их отдадут, никуда не денутся. Начальники заставят. Личные могут сказать — сами разбирайтесь — но потом все равно отдадут. Люди добрые были, не жадные, сейчас все злые, жадные, олень чужой придет — его на айбарт (т. е. забьют на мясо. — Б.Д., К.И.), а если бык — каждый день запрягать будут». Таким образом, изменения произошедшие в последние десятилетия в случае тазовских оленеводов привели к укреплению ранее существовавшей практики регулирования доступа к пастбищным ресурсам (более четкому разграничению паст-

бищных территорий, уменьшению случаев нарушения их границ), скорее чем к ее существенной трансформации.

Совсем другая картина была зафиксирована среди «рыболовных семей». В отличие от оленеводческих семей, «рыболовные» домохозяйства обычно не образуют объединений по типу стойбищ — большую часть года каждое домохозяйство живет отдельно от других. Подавляющая часть «рыболовных» домохозяйств в настоящий момент является «личниками», т. е. они не трудоустроены на постоянной основе в СПК или каком-либо ином предприятии. Тем не менее, многие более бедные домохозяйства, особенно те, которые не имеют собственных моторных лодок и большого количества рыболовных снастей, предпочитают устраиваться на теплую половину года в специализированные рыболовные бригады СПК и тазовского рыбзавода. Хотя зарплата, которую они там получают, гораздо меньше, чем прибыль от реализации собственного улова через заготовительные конторы и частные фирмы, временная работа в бригадах предприятий позволяет им получать регулярное снабжение продуктами питания из поселка (куда они не могут ездить сами из-за отсутствия средств транспорта), а также использовать принадлежащие предприятию рыболовные снасти.

Отогнав в конце апреля — начале мая свои олени стада в стойбища оленеводов, «рыболовные» домохозяйства устанавливают свои чумы на многочисленных протоках, образующих реку Таз в ее нижнем течении и начинают лов рыбы се-

тями, сначала подледный, а затем, после вскрытия протоков, с весельных лодок. Там они остаются вплоть до окончания весеннего хода рыбы (середина июня). В конце июня, рыболовные предприятия вывозят нанявшихся в их бригады «рыболовов» вместе с их семьями и имуществом на баржах вниз по Тазу, на побережье Тазовской Губы, где в это время начинается промысел ценных пород морской рыбы. Вслед за ними на моторных лодках отправляются на «морские пески» и многие «рыболовы» — личники. Поскольку применяемый на морском побережье лов рыбы неводом очень трудоемок, там возникают временные «поселки», иногда состоящие из более чем десятка чумов, некоторые из которых представляют собой бригады предприятий, другие — объединения личников. Жители таких «поселков» совместно занимаются промыслом рыбы, которая в случае бригад сдается предприятию, а в случае объединений личников делится поровну между домохозяйствами для дальнейшей индивидуальной реализации. Морской лов рыбы продолжается до конца сентября. После его окончания «рыболовы» вновь разъезжаются вдоль русла Таза, чтобы «поймать» осенний ход речной рыбы, причем членам бригад для этого опять предоставляются баржи. Осенний речной лов продолжается до конца ноября — начала декабря, когда лед на реке становится слишком толстым для установки подледных сетей. Часть улова в этот период замораживается для оленеводов в качестве платы за летний выпас оленей.

В конце ноября — начале декабря «рыболовы» забирают у оленеводов свои олени стада и производят расчет за их выпас рыбой. С этого момента начинается кочевой период их годового цикла. Обычно в ходе зимней кочевки каждая «рыболовная» семья описывает круг радиусом 7–10 километров от берега Таза вглубь тундры. Во время зимней кочевки «рыболовы» активно занимаются также охотой на лося и дикого оленя, мигрирующего в этот период в Тазовский район с Таймыра. Следует отметить, что хотя стада «рыболовов» обычно невелики — они насчитывают в среднем 50–70 голов — их значение в хозяйстве трудно переоценить. Олени являются единственным источником материала для одежды и покрытий чумов, а также основным средством транспорта, незаменимым для охоты и снабжения продуктами. Поэтому без оленей «рыболовная» семья не может вести самостоятельное хозяйство, и вынуждена уходить жить в поселок, что почти всегда означает ее маргинализацию.

В ходе этнографических интервью, практически все опрошенные тазовские ненцы-«рыболовы» заявляли, что за исключением периода летнего лова на морском побережье, каждая «рыболовная» семья должна использовать в своей хозяйственной деятельности определенную территорию, называемую *мара*⁸. Эта территория состоит из участка речного берега длиной несколько километров, на котором члены домохозяйства имеют право устанавливать свои сети, и из непосредст-

венно прилегающего к нему участка тундры (площадью примерно 10 x 10 километров), используемого домохозяйством для зимнего выпаса своих оленей. Границы такой территории были четко определены и чаще всего совпадали с руслами речных притоков. Вплоть до недавнего времени, права домохозяйства на территорию, несмотря на то, что они не признавались официальными органами, были закреплены весьма жестко: *мара* могла передаваться по наследству, служить предметом обмена и даже сдаваться в наем другим семьям за определенную долю улова. Судя по рассказам информаторов, механизм реализации этих прав был весьма сходен с «защитой периметра», как ее описывает Кашдан. Рассказывают, например, что еще около 10 лет назад хозяева *мара* вполне могли застрелить случайно оказавшихся на их территории чужих собак и оленей и намеренно повредить установленные на их участке чужие рыболовные сети, а их встреча с «нарушителем», занимающимся на их земле рыбной ловлей или выпасом оленей, вполне могла закончиться дракой. При этом, даже те информаторы, которые по их рассказам пострадали от таких действий, если и не одобряли их, то по крайней мере относились к ним с пониманием.

Система регулирования доступа к ресурсам среди «рыболовов» претерпела, однако, серьезные изменения в течение последнего десятилетия. Информаторы с горечью сообщают, что в настоящее время права на *мара* больше не соблюдаются

и как определенные участки берега, так и прибрежная тундра используются теми, «кто первым пришел». В результате, каждая «рыболовная» семья меняет место своего летнего речного лова каждый год, в зависимости от того, какой участок берега ей удастся занять весной. Более того, если семья решит отправиться летом на «морские пески», то по возвращении на реку осенью она вполне может обнаружить свое весеннее место рыбного лова уже занятым и будет вынуждена искать новое. Этот факт объясняет, почему многие «рыболовы» в настоящее время отказались от летнего морского лова рыбы, несмотря на его большую прибыльность. Так на вопрос, собираются ли они на следующий год отправиться на «морские пески», многие информаторы отвечали, что это зависит от того, «какой речной песок (*мара*) удастся занять весной». При этом многие разъясняли, что если «песок» окажется хорошим, то на море они не поедут, чтобы не потерять его осенью.

Среди причин, вызвавших изменение практики регулирования доступа к ресурсам, все информаторы называли увеличение числа «рыболовных» семей из-за перехода в число «рыболовов» многих бывших семей оленеводов, вышедших из совхоза, а также многих семей, живших до этого в поселке. Сам этот процесс имеет, судя по всему, в основном экономические причины. Так уход поселковых ненцев в рыболовство связан, по их словам, с отсутствием для них работы в поселке, высокими ценами на продукты питания и одежду, а также с

распространением среди оставшихся в поселке ненцев преступности и алкоголизма. Переход к рыболовству ряда оленеводов связан с малочисленностью их стад, делающей, по их словам, невозможным чисто оленеводческое хозяйство, а также с их желанием иметь постоянную связь с поселком, которая невозможна в случае оленеводов-частников. Приток в рыболовство большого числа новых семей, большинство из которых не имело прав на *мара*, вызвало усиление конкуренции за территориальные ресурсы. Это, в свою очередь и вопреки ожиданиям исходящим из теоретических воззрений на механизм происхождения и изменения практики регулирования землепользования описанных в предыдущем разделе, вызвало разрушение ранние существовавшей практики и сделало права на ресурсы гораздо менее определенными.

2.2. Тофалары (Тофа). Тофалары — малочисленная тюркоязычная этническая группа (численность по данным переписи 2002 года — 837 человек), проживающая на юге Иркутской области. Хотя исторически хозяйство тофаларов, подобно хозяйству других рассматриваемых в этой работе этнических групп, основывалось на кочевом оленеводстве и мобильной охоте, в настоящее время эта группа, по сравнению с ненцами и тувинцами-тоджинцами, ведет менее подвижный образ жизни и практикует, пожалуй, более жесткое регулирование доступа к территориальным ресурсам. Тофалары имеют также более длинную историю контактов с русскими и други-

ми пришлыми группами населения, чем остальные рассматриваемые группы (см.: Donahoe, 2004, 2006; Петри, 1927а; Мельникова, 1994; Рагулина, 2000). Приток пришлого населения на земли населенные тофаларами происходил в течение нескольких последних столетий и приводил к значительной конкуренции за пастбищные и охотничьи ресурсы. В полном соответствии с описанными в первой части настоящей работы теоретическими воззрениями, одним из результатов этого стало большая определенность границ и прав на охотничьи угодья (родовые тайги).

Тем не менее многие исследователи отмечали, что в соответствии с обычным правом карагасов (тофаларов), если охота на родовых землях была неудачной, члены рода могли попросить разрешения охотиться на чужой территории и такое разрешение всегда им давалось. Для ловли рыбы на чужой территории разрешения вообще не требовалось (Петри, 1927а: 25). Таким образом, реальная практика регулирования доступа к территориальным ресурсам была менее жесткой, чем можно было ожидать — такая практика считается более характерной для регулирования доступа к «лишенным измерений» и «одномерным» объектам (ср.: Myers, 1991, 1995; Peterson, 1975, описывающие аналогичную практику регулирования землепользования у аборигенов Австралии).

В первые годы после окончания гражданской войны приток пришлого населения (русских, украинцев и бурятов) на

земли тофаларов значительно возрос. Пришлые промысловики начинали охотиться на родовых землях тофаларов, иногда вытесняя оттуда их прежних владельцев. Для того, чтобы оградить тофаларов от разрушительного влияния пришлого населения (ограничить импорт алкоголя, снизить конкуренцию за ресурсы и т. д.), был создан тофаларский национальный район. Его территория, однако, оставляла всего 31 тыс. квадратных километров, т. е. не более 56% от исторической территории тофаларов (56 тыс. квадратных километров) (Петри, 1927а). Таким образом, сокращение территории кочевий тофаларов получило законодательное закрепление.

Окончательный удар по кочевому образу жизни тофаларов нанесла коллективизация и политика перевода кочевников на оседлость (1928 – 1932 гг.). Итогом этой политики стало расселение тофаларов в трех национальных поселках – центрах вновь образованных колхозов. Все охотничьи территории и оленьи пастбища были провозглашены государственной собственностью и разделены между колхозами. Внутри колхозной территории, каждая семья получала небольшой участок для хозяйственной деятельности. При этом занятие оленеводством, требующее сезонных кочевок на большие расстояния и использования больших участков территории, стало невозможным для большинства переведенных на оседлость тофаларов. Таким образом, перед нами интересный парадокс: социалистическая политика коллективизации и перевода на осед-

лость, сопровождавшаяся сокращением мобильности населения, формальным разделом участков земли между семьями колхозников и требованием от них выполнения колхозного плана по сдаче соболиных и беличьих мехов, а также последовательность, с которой пришлые русские охотники отстаивали свое право (имплицитно основанное на логике частной собственности) на единоличное использования охотничьих угодий привели, в случае тофаларов, к трансформации менее жесткой практики регулирования доступа к ресурсам в более жесткую, основанную де-факто на отрицаемом коммунистами праве частной (семейной) собственности на «двухмерные» участки земли. Эта практика сохраняется у тофаларов и поныне.

После крушения социалистической системы, ценность «родовой тайги» для тофаларов значительно увеличилась. По полевым данным, продажа продуктов охоты (в основном мехов, рогов и лосиных желез), добытых в собственных охотничьих угодьях, составляет главный источник дохода для 60% тофаларов. Кроме того, все тофалары заявили, что они занимаются в «тайгах» сбором ягод, кедровых шишек, грибов и/или лекарственных растений для собственного использования⁹. Поэтому, как один из информаторов заявил «без своей тайги прожить невозможно», и те, кто ее не имеют, могут едва сводить концы с концами. Им приходится либо идти на поклон к друзьям и родственникам в расчете, что те позволят им временно поохотиться или собрать ягоды и грибы в своих угодь-

ях, либо осваивать непродуктивную и уже истощенную массовой охотой и собирательством территорию, непосредственно прилегающую к поселку и считающуюся «общей землей». В первом случае велика опасность ухудшения межличностных отношений и эскалации конфликтов в поселковом сообществе, во втором — дальнейшего истощения природных ресурсов в окрестностях поселка.

Увеличение ценности охотничьих ресурсов привело к дальнейшему ужесточению практики контроля доступа к ним путем защиты периметра «родовой тайги»¹⁰. На это указывают конфликты по поводу прав на охотничьи угодья и чувство отчаянья, наблюдающееся у тех, кто не имеет или потерял свою «тайгу». Так один молодой охотник покончил жизнь самоубийством на охотничьем угодье, права на которые он потерял. В ходе интервью информаторы сообщали о случаях, когда охотничьи избышки на спорных «тайгах» намеренно сжигались, когда охотники угрожали друг другу оружием в случае нарушения границ угодья, когда охотник, пытавшийся выгнать нарушителей со своей «тайги» был зарезан последними, и многие другие. Одна из женщин-информаторов попросила нас помочь ей обратиться в ООН с просьбой разрешить спор о «тайге», отнятой у ее семьи.

Ситуация усложняется еще и тем, что все большее количество людей начинает конкурировать за ограниченную территорию тайги. В настоящее время средняя территория «ро-

довой тайги» составляет 90 – 100 квадратных километров. Для сравнения, в 1929 году этот показатель составлял 350 – 400 квадратных километров (Рагулина, 2000). Как отметил один из информаторов, «тайга не резиновая — растягиваться не может». Для разрешения споров об охотничьих угодьях в 2000 году был создан специальный орган — Комиссия по Распределению Охотничьих Участков среди Местного Населения, находящаяся в пос. Алыгджер. Комиссия принимает свои решения исходя из многих критериев, в том числе традиционных правил наследования и исторической принадлежности определенных участков конкретным семьям. Впрочем, среди члены комиссии до сих пор, судя по всему, не выработали единого понимания правил наследования участков. Так мы получили от них противоречивые ответы на вопрос, может ли «подовая тайга» наследоваться по женской линии: один из членов комиссии утверждал, что его 10-летняя дочь унаследует его «тайгу», если ее будущий супруг не будет иметь своего охотничьего участка. Другой член комиссии категорически утверждал, что «родовая тайга не может перейти к женщине». Лица, не имеющие наследственных прав на охотничий участок также могут обратиться в эту комиссию и попросить о выделении нового участка. Однако, поскольку свободных охотничьих земель в настоящий момент нет, такая просьба скорее всего удовлетворена не будет. Кроме того, комиссией введено правило, согласно которому владелец теряет права на «тайгу», если он не

пользуется ею в течении определенного времени или не выполняет план по сдаче мехов охотничьему предприятию.

2.3. Тувинцы-тоджинцы. Тувинцы-тоджинцы, проживающие в Тоджинском районе республики Тыва, несмотря на свою географическую и культурную близость к тофаларам, имеют совершенно отличную от них практику регулирования землепользования. Подобно тофаларам, тувинцы-тоджинцы исторически признавали право родовой собственности на определенные участки территории (Вайнштейн, 1959, 1961). Однако, одной из черт их практики регулирования землепользования был и остается ее нежесткий характер. Скабеев (1925) отмечает, что хотя на родовой территории имели право промыслять лишь члены определенного рода, существовал обычай разрешать членам других родов пользоваться этой территорией, если соболя на их земле было мало. Охота на чужой территории была настолько распространена, что имелся специальный обычай, называемый *ужа*, согласно которому член чужого рода должен был отдать крестец (*ужа*, считается деликатесом) убитого им животного членам того рода, на территории которого он охотился¹¹.

История коллективизации и перевода на оседлость тувинцев-тоджинцев сильно отличается от тофаларской. С 1921 по 1944 годы Тува официально считалась независимым государством, поэтому коллективизация и перевод кочевников на оседлость осуществлялись здесь не так резко и более мягкими

средствами, с учетом важности кочевого образа жизни для экономики и культуры республики (Гребнев, 1955: 28-31; Моллеров, 1991: 55-58). Даже после того, как коллективизация и перевод на оседлость были официально признаны законченными, интерпретация понятия «оседлый образ жизни» в Тыве была более свободной, чем в Тофаларском районе, где почти все охотники-оленоводы были в буквальном смысле расселены по поселкам. Многие оленоводы Тоджинского района, несмотря на то, что они были коллективизированы и получили дома в поселке (начав на этом основании считаться оседлыми), смогли продолжить кочевать со своими стадами (официально считавшимися собственностью колхозов). Таким образом, кочевой образ жизни остался неотъемлемой частью тоджинской хозяйственной системы и его по сей день ведут около 30 семей тувинцев-тоджинцев. Это в определенной степени объясняет разницу между практикой регулирования землепользования у тоджинцев и тофаларов: необходимость использования больших территорий для выпаса оленей и адаптации к изменчивым погодным условиям и качеству пастбищ не позволили жестко регулировать и сильно ограничивать доступ к территории.

После распада СССР колхозно-совхозная система хозяйства пришла в упадок и была официально ликвидирована в Тоджинском районе в 1996 году. Охотники-оленоводы приспособивались к новой ситуации по-разному: всего можно выделить три основных модели социально-хозяйственной адапта-

ции, каждая из которых по-своему воздействовала на практику регулирования доступа к территориальным ресурсам (см.: Donahoe, 2004, 2006, in press). Не вдаваясь в детальное описание этих моделей, которое выходит за рамки настоящей работы, отметим лишь, что практика регулирования землепользования во всех случаях оставалась нежесткой. Даже в тех случаях, когда оленеводы-охотники создавали и регистрировали фермерские или крестьянские хозяйства (*арат ажыл-агый* потувиски) и получали, таким образом, официально признанные права на единоличное пользование четко ограниченными участками территории, доступ других охотников к этим участкам их владельцами фактически не ограничивался. Например, один из наших информаторов, молодой оленевод-охотник, зарегистрировав свое хозяйство как фермерское, получил в свое распоряжение примерно 580 гектаров территории вдоль реки Ойна и мог, согласно закону, не допускать на эту территорию других либо требовать с них плату за ее использование. Когда мы его спросили, что бы он сделал, если бы увидел что кто-то чужой ловит рыбу на его участке, он сначала ответил «ничего», а потом, улыбнувшись, прибавил: «Нет, я бы взял с него плату. Одну рыбу!» Помогать гостям, званым или нет, остается у тоджинцев традиционным «законом тайги»¹². Когда мы спрашивали у тоджинских оленеводов-охотников, что бы они сделали встретив незнакомца в своих промысловых угодьях, типичными ответами были «я бы ему помог», «я бы пригласил

его в свою палатку», «я бы его накормил», «я бы показал ему, где лучше охотится. Что еще я мог бы сделать?» Тоджинцы также часто повторяют, что тайга на самом деле никому не принадлежит: «любой кто хочет может прийти и взять, что сможет». Тот факт, что кто-то сумел добраться до определенного места в тайге, уже достаточен, чтобы признать за ним право на все, что он может там взять¹³.

Нежесткость практики регулирования землепользования у тоджинцев выражается и в их представлении, что они сами могут охотиться и ловить рыбу там, где хотят. В ходе полевой работы, тоджинские оленеводы-охотники обычно указывали нам на территорию, по которой они обычно кочуют. Однако, когда мы просили их описать территорию, по которой, по их мнению, они имеют право кочевать, большинство из них включали в нее весь Тоджинский район, а некоторые — еще и часть соседнего Каа-Хемского района. Дембирел Каранай, бывший оленевод-охотник, отвечая на наш вопрос, существуют ли у тоджинцев «родовые тайги», как у тофаларов, сказал: «Здесь ничего подобного нет. Если я хочу пойти куда-то охотиться, я иду и охочусь». Такое отношение не смогло изменить и распределение совхозных охотничьих угодий между промышленниками (по варианту тофаларских совхозов), проводившееся в советское время, например, в районе поселка Хам-Сыра. По свидетельству Караная, «хотя там были индивидуальные

охотничьи участки, другие все равно могли приходиться на них и охотиться»¹⁴.

Наконец, отсутствие жесткого регулирования доступа к территориальным ресурсам проявляется в свободе, с которой оленеводы и охотники выбирают места своих стоянок. Зимой 1999–2000 годов был зафиксирован случай, когда одна из самых больших групп оленеводов, состоявшая из 5–7 аалов (домохозяйств) и имевшая около 300 оленей, перешла из восточной части Одуген-Тайги на границе с Бурятией (ее обычная территория кочевания) в район реки Серлиг-Хем. Последний официально являлся землей другой общины и исторически был территорией, принадлежащей абсолютно другому роду. Решение перейти на другую территорию было принято членами группы в одностороннем порядке и обосновывалось тем, что из Одуген-Тайги было трудно добраться до поселка (Адыр-Кежиг) или Хараальского золотого прииска — фактически это было возможно только в середине зимы, когда все реки были покрыты льдом. Другая группа оленеводов, кочевавшая ранее по реке Соруг к северу от Азасского заповедника и принадлежавшая к другой общине, перешла в покинутую Одуген-Тайгу, чтобы избежать потрав оленей медведями, часто случавшихся на ее прежней территории.

Существуют, однако, признаки, что описанная система нежесткого регулирования землепользования может в скором времени измениться. Одним из факторов такого изменения

может стать происходящая в настоящее время трансформация системы кочевания тувинцев-тоджинцев. Согласно этнографическим описаниям и рассказам пожилых оленеводов, еще совсем недавно тоджинцы совершали 12–20 перекочевок в год, чтобы обеспечить свои стада свежими пастбищами и избежать падения численности популяций промысловых животных¹⁵. Некоторые информаторы отмечали, что в идеале оленеводы не должны использовать одну и ту же стоянку чаще чем раз в 10–15 лет, чтобы дать оленьему ягелю (шулун) время полностью восстановиться. На практике, однако, большинство современных тоджинских оленеводов кочует всего 4–6 раз в году, и многие из них ежегодно используют одни и те же места для стоянок. Например, семья оленевода Виктор Самбуу в течении нескольких лет использовала для осенней стоянки одно и то же место на реке Чайында. Осенью 2000 года эта семья построила там небольшую избушку и провела в ней всю зиму, покинув стоянку лишь весной 2001 года.

Строительство избушек вообще представляет собой новый и очень интересный феномен в жизни тоджинских оленеводов-охотников, который потенциально может сильно повлиять на практику регулирования землепользования. Раньше, когда кочевки были частыми и оленеводы не возвращались на одно и то же место по нескольку лет, никаких предпосылок для возведения постоянных построек в тайге не было. Однако, в ходе полевой работы 2000-го года было обнаружено, что все

оленеводы Серлиг-Хемской группы, обходившиеся до этого палатками, решили построить для себя маленькие избушки в местах своих обычных осенних, зимних либо весенних стоянок (иногда избушки возводились на нескольких из этих стоянок). Строительство избушек, требующее больших затрат времени и сил, можно расценить как утверждение более определенных прав на территорию и, следовательно, переход к более жесткой системе организации доступа к территориальным ресурсам. Кроме того, оно необходимо окажет влияние на мобильность оленеводов. Стремление к более комфортной жизни в избушках, которые гораздо просторнее и теплее брезентовых палаток, заставит тоджинцев не только возвращаться каждый год на одни и те же места, но и проводить на них больше времени, чем раньше — например приходить на зимнюю стоянку ранней осенью и покидать ее поздней весной. Семья Виктора Самбуу, остававшаяся в своей избушке с октября 2000 по март 2001 года, служит хорошим примером этой тенденции. Эти факторы могут резко увеличить нагрузку на оленьи пастбища, лесной массив и популяции диких животных вблизи избушек.

Избушки, как и вообще все стоянки современных тоджинских оленеводов-охотников, обычно находятся в пределах одного — двух дней пути верхом на олене от населенных пунктов или золотых приисков. До начала реформ в России тоджинские охотники откочевывали гораздо дальше от населен-

ных пунктов, часто проводя лето на вершинах наиболее высоких гор на границе с Монголией, Бурятией и Иркутской областью. Их осенние стоянки обычно располагались в наиболее удаленных частях тайги, богатых зверем и труднодоступных для других охотников. В то время государство обеспечивало оленеводов транспортом, причем для сообщения с наиболее отдаленными стоянками использовались вертолеты. Сейчас, когда оленеводы-охотники должны сами организовывать и оплачивать свой транспорт, причем размера годового дохода даже наиболее богатых из них недостаточно, чтобы оплатить один час летного времени, вопрос об использовании вертолетов даже не ставится. Олень остался единственным средством транспорта, позволяющим оленеводам-охотникам посетить своих оседлых родственников, купить необходимые им продукты питания и товары первой необходимости и съездить по делам в другие населенные пункты и в столицу республики. Это, видимо, основная причина сокращения территории кочевков, сделавшая необходимым ежегодное возвращение оленеводов на одно и то же место и обусловившая возможность строительства избышек.

Кроме уже упомянутых экологических последствий, описанные изменения уже привели к росту конкуренции за территорию вблизи населенных пунктов. Эта конкуренция создается не только оленеводами, старающимися оставаться вблизи этих пунктов и интенсивно эксплуатирующими там природ-

ные ресурсы, но и жителями самих населенных пунктов, которых безработица и низкие зарплаты заставляют обратиться к тайге в поисках средств пропитания. Более того, все большее количество охотников и рыболовов из соседних районов, на законных основаниях или без оных, наводняет тоджинскую тайгу, что уже привело к заметному сокращению популяций рыбы и зверей в легкодоступных местах. На пользование территорией тоджинцев претендуют и золотодобывающие, лесопромышленные и туристические компании. Все это, вкупе с опасностью приватизации лесных угодий, может заставить тоджинских оленеводов-охотников более ревниво относиться к использованию своих территорий другими и более четко очерчивать круг лиц имеющих право доступа к ним. Это будет означать переход к более жесткой практике регулирования доступа к территориальным ресурсам, что может привести к нарастанию конфликтов за территорию подобных происходящим у тофаларов. Интересно, однако, то, что хотя рост конкуренции за ресурсы продолжается уже достаточно долгое время, трансформации практики регулирования землепользования до сих пор не произошло. По-видимому, традиции и мировоззрение тоджинских оленеводов-охотников настолько сильно препятствуют этому, что их сопротивление не может преодолеть даже очень сильный рост конкуренции.

3. Анализ представленного материала и выводы

Итак, в предыдущей части работы нами было описано 4 примера практики регулирования доступа к территориальным ресурсам и ее трансформации у трех оленеводческих народов Сибири: практика регулирования землепользования у тазовских ненцев-олeneводоB, тазовских ненцев-«рыболовоB», тофаларов и тувинцев-тоджинцев. Посмотрим, что сопоставление этих четырех примеров может нам дать с точки зрения теоретических наработок, представленных в первой части настоящей работы.

В первую очередь несложно заметить, что во всех четырех описанных случаях практике регулирования землепользования пришлось приспособляться к изменению уровня конкуренции за ресурсы, вызванному либо изменением их ценности либо ростом или падением количества ресурсопользователей. В трех из описанных случаев произошел рост конкуренции за ресурсы, а в одном (случай тазовских ненцев-олeneводоB), наоборот его падение из-за сокращения количества оленеводческих семей. Этот факт, на первый взгляд, вполне соответствует базовым положениям эволюционной теории земельной собственности вообще и модели экономической защищаемости в частности. Однако, с точки зрения этих положений следовало ожидать, что практика регулирования землепользования у ненцев-«рыболовоB», тофаларов и тувин-

цев-тоджинцев должна бы была стать более жесткой и определенной, причем круг лиц, имеющих право доступа к определенной территории должен был стать более ограниченным. Напротив, практика регулирования землепользования ненцев-оленоводов либо не должна была измениться вообще, либо должна была стать менее жесткой. Однако, единственным случаем из описанных, когда практика регулирования землепользования действительно изменилась в соответствии с этими ожиданиями, является пример тофаларов. В случае тувинцев-тоджинцев ужесточения регулирования доступа к ресурсам и ограничения круга лиц, имеющего право на такой доступ, по крайней мере на сегодняшний день не произошло. В случае же ненцев, реально произошедшие изменения были обратными ожидаемым: у оленеводов имело место некоторое ужесточение регулирования доступа к пастбищам, а у «рыболовов» система регулирования доступа к территории, судя по всему, совсем исчезла. В последнем случае, усиление конкуренции за рыболовные пески не привело ни к защите их периметра или социальной границы, как предсказывает теория Кашдан, ни к какой-либо другой форме их защиты, как этого следовало бы ожидать исходя из модели Дайсон-Хадсон и Смита, а наоборот, привела к отказу даже от ранее существовавшей практики регулирования доступа к участкам.

Отметим, что при желании каждому из этих примеров в отдельности можно найти объяснение *ad hoc* в рамках суще-

ствующих теорий. Так, с точки зрения теории Дайсон-Хадсон и Смита можно бы было утверждать, что исчезновение регулирования доступа к рыболовным пескам у тазовских ненцев было вызвано увеличением издержек по защите периметра *мара* (в свою очередь, вызванного увеличением конкуренции). Эти издержки, в конце концов, превысили выгоды от единоличного пользования *мара*, которая, таким образом, стала экономически незащищаемой. Кроме того, можно предположить, что в этом случае мы имеем дело с переходным периодом, когда старая система регулирования землепользования распалась, а новая, более жесткая, еще не сформировалась. Аналогично, в случае ненцев-оленоводов можно попытаться утверждать, что хотя конкуренция за пастбищные ресурсы среди них сократилась, ценность этих ресурсов в их хозяйстве увеличилась, поскольку они теперь используются в основном для содержания личных, а не совхозных оленей, являющихся часто единственным средством существования. Это логично привело к ужесточению контроля доступа к ресурсам. Эти утверждения, однако, сложно доказать. Кроме того, хотя они убедительно выглядят в каждом отдельном случае, они не объясняют всю их совокупность. Например, не понятно, почему *мара* ненцев стали экономически незащищаемыми, а «родовые тайги» тофаларов нет, хотя принципиальную разницу между уровнем конкуренции за них обнаружить сложно. Кроме того,

сложно представить объяснение устойчивости практики регулирования землепользования у тувинцев-тоджинцев.

Поэтому, следует заключить, что существующие теоретические воззрения на практику регулирования землепользования и сама базовая философская посылка, на которой они основаны, существенно упрощают реальность, игнорируя некие ее важные стороны и, поэтому, в целом недостаточны для адекватного объяснения эмпирических фактов. В лучшем случае, они позволяют объяснить лишь некоторые отдельные стороны реально происходящих процессов, причем даже это объяснение вполне может быть неверным, поскольку оно необходимо принимает во внимание лишь непосредственные причины явления экономического и экологического порядка, игнорируя его социальные и политические первопричины. При этом, предлагаемые объяснения крайне механистичны в своем предположении безусловной и «автоматической» связи между причиной и следствием. Это заключение, само по себе, впрочем, далеко не ново. На некоторые недостатки теорий территориальности Дайсон-Хадсон, Смита и Кашдан было указано в первой части настоящей работы, а сама теория собственности Гоббса, с ее взглядом на право собственности как средство предотвратить «войну всех против всех», неоднократно критиковалась в философской литературе за некритическое отношение к человеку как изначально порочному и эгоистичному существу, неспособному умерить свои потреб-

ности иначе, как только по принуждению «сверху». Сопоставление описанных в настоящей работе случаев, однако, позволяет указать и на некоторые конкретные факторы, игнорируемые в существующих теориях, но оказывающие значительное влияние на формирование и изменение практики регулирования доступа к ресурсам.

Среди этих факторов в первую очередь следует отметить влияние внешнего окружения и особенно административных институтов на практику регулирования землепользования. В предыдущей части работы отмечалось, что политика коллективизации и система распределения колхозных охотничьих угодьев сыграла основную роль в формировании семейного права собственности на «родовые тайги» у тофаларов. Кроме того, влиянием внешнего окружения, скорее всего, объясняется и упомянутое выше различие в развитии системы регулирования землепользования у тофаларов и ненцев-«рыболовов»: появление специального административного института, ответственного за распределение охотничьих земель и соблюдение охотниками их границ значительно укрепило систему регулирования землепользования у тофаларов. Можно предположить, что в отсутствии такого института нарастание числа конфликтов за «родовые тайги» вызвало бы разрушение практики регулирования доступа к ресурсам, как это произошло у ненцев.

Вторым фактором можно считать саму технологию использования ресурсов. В западных теориях практики регули-

рования землепользования технологический фактор учитывается, в основном, через его влияние на ценность ресурсов и их количество — предполагается, что изменение технологии утилизации ресурсов во первых может сделать одни ресурсы менее, а другие более ценными¹⁶, а во вторых может способствовать более интенсивной утилизации ресурсов, увеличивая тем самым нагрузку на них и приводя к их недостатку. Пример тазовских ненцев-оленеводов показывает, однако, что технология использования ресурсов (в данном случае, технология выпаса оленей) может оказывать и непосредственное влияние на практику регулирования землепользования, делая определенные виды такой практики более предпочтительными, а иногда и единственно возможными. Так материал, собранный среди тазовских оленеводов показывает, что практикуемое ими регулирование доступа к пастбищам связано с их технологией выпаса оленей. Изменение параметров этой практики (например, переход к пастбищным участкам, границы которых легко проходимы для оленей), или ее вида (например, переход к регулированию доступа к кочевым путям подобно существующему, например, у оленеводов коми — см.: Истомин, 2004, Istomin & Dwyer, in press) потребует существенного изменения технологии выпаса (например, перехода к постоянному выпасу стада под надзором пастуха, как это делают коми — см.: Истомин, 2004).

Наконец, очень важным фактором является мировоззрение, т. е. система взглядов на мир и место в нем человека. Так судя по всему, именно разница в мировоззрении определила различный путь развития практики регулирования землепользования у тофаларов и тувинцев-тоджинцев. Устойчивость нежесткой практики регулирования доступа к ресурсам у тоджинцев по сравнению с тофаларами, несмотря на то, что как политические (коллективизация, система колхозного землепользования), так и социальные и экологические факторы (уровень конкуренции) влиявшие на хозяйство обеих групп вполне сопоставимы, объясняется, на наш взгляд, внутренним сопротивлением, которое ограничение прав доступа к ресурсам вызывает у тоджинцев. В некоторых предыдущих публикациях (Donahoe, 2004, 2006) нами было показано, это сопротивление имеет как практические, так и идеологические причины. С точки зрения хозяйственной практики, нежесткое регулирование доступа к территории позволяет сохранить необходимую свободу реакции на непредсказуемые изменения окружающей среды (состояния пастбищ, популяций животных и т. д.). С точки зрения идеологии, такое нежесткое регулирование наилучшим образом соответствует традиционным воззрениям тоджинцев, согласно которым определенными территориями владеют их духи-покровители, и, следовательно, ими не может владеть никто другой. Находясь в тайге, тоджинские оленеводы-охотники находятся, по их воззрениям, в гостях у

духа-хозяина данного места и должны вести себя соответствующим образом, например, никогда не убивать больше животных и не ловить больше рыбы, чем нужно для удовлетворения нужд охотника и его семьи (Donahoe, in press). Такие воззрения, возможно, во многом обусловлены кочевым образом жизни тоджинцев. Действительно, кочевнику затруднительно перевозить с места на место большие грузы, и, поэтому, количество вещей, включая охотничью добычу, должно у него ограничиваться тем, что действительно необходимо. Как отмечал Маршал Салинз, бремя собственности давит на кочевников в прямом смысле этого слова (Салинз, 1999)¹⁷. Как бы то ни было, указанные воззрения до сих пор сохраняются у тоджинцев, несмотря на рост конкуренции за ресурсы и влияние пришлого населения, которое ориентирует свое хозяйство на получение экономической прибыли, добывая гораздо больше, чем необходимо для удовлетворения своих непосредственных нужд. Историко-этнографические данные показывают, что сходные воззрения бытовали раньше и среди тофаларов (Мельникова, 1994; Петри, 1926, 1927а,б, 1928; Рагулина, 2000; Рассадин, 1999; Штуббендорф, 1854), однако сейчас они уступили место идеологии, характерной для пришлого населения. Последняя основана на стремлении к накоплению материальных богатств и имплицитно включает в себя представление (нашедшее выражение в теории собственности Локка, см.: Локк, 1988), что права на владение землей и ресур-

сами обеспечиваются трудом затраченным на их освоение и эксплуатацию. Это представление выражается во мнении, что хороший хозяин стремится получить со своей земли столько, сколько возможно, а не столько, сколько ему необходимо. Сравнение примеров тоджинцев и тофаларов показывает, что там, где традиционные представления сохраняются, практика регулирования доступа к ресурсам может и не основываться ни на защите периметра, ни на защите социальной границы. Однако, если эти представления входят в противоречие с представлениями иной группы, конкурирующей за те же ресурсы, то люди могут оказаться вынуждены принять меры к защите своих прав на территорию и ограничению аналогичных прав других, даже если это противоречит их представлениям о справедливости и этике.

Представления Локка и Гоббса о том, что основной движущей силой человеческих поступков является удовлетворение эгоистических интересов, вполне может быть верным. Не подлежит сомнению, что любой поступок человека можно *ex post facto* объяснить корыстными мотивами, и поэтому подтвердить или опровергнуть данную точку зрения невозможно. Однако, важным представляется понять, в чем может заключаться эгоистический интерес человека. Для Локка и Гоббса, также как и для современных теоретиков собственности основывающихся на их философии, этот интерес заключается, прежде всего, в максимальном накоплении материальных бо-

гатств, ибо человеческие потребности безграничны, а ресурсы для их удовлетворения ограничены. С этой точки зрения, поведение каждого человека сводится к игре с нулевой суммой против других людей, с которыми он конкурирует за ресурсы для максимального удовлетворения максимального количества своих безграничных потребностей. Право собственности же, в том числе и земельной, является минимальным правилом этой игры, которое не дает ей перейти в военное противостояние. Такой взгляд на вещи может быть правильным в случае оседлых сообществ, имеющих государственный уровень организации. В наших примерах мы рассматривали кочевые, сейчас или в недавнем прошлом, сообщества. В этих условиях, как уже отмечалось, стимулы к накоплению материального богатства могут быть ограничены, а само такое накопление — не соответствовать эгоистическим интересам человека хотя бы потому, что оно затрудняет кочевание. Поэтому, если права доступа к ресурсам в данном случае и возможно рассматривать как продукт рационального выбора основанного на эгоистических интересах, то эти интересы не сводятся к игре с нулевой суммой против интересов других. Такие интересы могут состоять, например, в накоплении престижа через передачу другим права доступа к своей территории, дарение ресурсов и т. д (см., напр.: Mauss, 1990). Достижение этих интересов конкретным лицом не обязательно препятствует их достижению другими лицами, и, следовательно, не может рассматри-

ваться как игра с нулевой суммой. По крайней мере, наши примеры показывают, что накопление материальных богатств не всегда и не везде является основной движущей силой человеческого поведения.

В свете всех этих фактов мы должны провести существенную переоценку теоретических воззрений на формирование и изменение землепользования, описанных в первой части работы. Мы не ставим своей целью предложить новую теорию, поскольку это потребовало бы сравнительного анализа гораздо большего количества эмпирических фактов из разных частей света. Однако, мы пожалуй можем предложить наброски некоторых элементов такой теории.

Во первых, хотя мы признаем, что изменение ценности ресурсов и конкуренция за них является одной из важнейших причин формирования и изменения практики регулирования доступа к ресурсам, мы сомневаемся, что это — основная или даже единственная такая причина. Практика регулирования землепользования может вполне быть навязана извне и в отсутствии изменения конкуренции за ресурсы. В наших примерах так в значительной степени произошло у тофаларов. Однако, даже если изменение практики регулирования землепользования происходит без серьезного внешнего влияния, как реакция на усиление или ослабление конкуренции и изменение ценности ресурсов, оно требует выполнения двух условий: оно должно быть совместимо с технологией использо-

вания ресурсов и с мировоззрением ресурсопользователей. В противном случае, изменение либо не происходит вообще, либо, если воздействие упомянутых факторов достаточно велико, требует гораздо больше времени и происходит вместе с технологическими и мировоззренческими трансформациями.

Во вторых, в этнологическом анализе практики регулирования землепользования необходимо учесть факт, что ужесточение контроля землепользования и ограничение круга лиц, имеющего право на доступ к ресурсам, необходимо требует усложнения социальной структуры и появление более сложных социальных институтов ответственных за проведение и контроль над практикой регулирования землепользования. Этот факт, на который указывал тот же Гоббс¹⁸, является трюизмом для экономистов, политологов и большинства социологов, но в западных антропологических теориях территориальности на него, почему-то, не обращается достаточно внимания. Между тем, приведенный выше пример ненцев-рыболовов показывает, что повышение конкуренции за ресурсы в отсутствие контролирующих институтов может привести скорее к распаду практики регулирования землепользования, чем к ее ужесточению. Такие институты должны либо возникнуть самостоятельно, либо быть привнесены извне, как это произошло у тофаларов.

Учет этих фактов должен стать необходимым элементом более совершенной теории объясняющей практику регулиро-

вания доступа к ресурсам. Для того, чтобы их учесть, такая теория, на наш взгляд, должна отказаться от классического взгляда на эту практику как инструмент разрешения конфликтов за ресурсы — достаточно очевидно, что она часто создает не меньше конфликтов, чем разрешает.

Возможно, что новая и более адекватная теория практики регулирования доступа к территориальным ресурсам и ее трансформации может использовать институциональный анализ в качестве основного подхода. Этот подход анализирует три группы факторов, которые оказывают воздействие на изучаемую ситуацию: факторы физической среды, факторы социальной структуры и правила, используемые индивидами во взаимоотношениях между собой (Ostrom, Gardner, and Walker, 1994:37). В первой группе факторов, мы должны обратить внимание на такие характеристики ресурсов, доступ к которым регулируется, как их способность перемещаться, ограничены ли они (является ли их использование игрой с нулевой суммой), насколько легко воспрепятствовать доступу к ним, предсказуемо ли количество и пространственное размещение этих ресурсов в момент времени и являются ли они возобновимыми. Относительно факторов социальной структуры отметим, что поскольку теория должна необходимо включать мировоззрение как один из своих элементов, она не может основываться на отношении «прибыль/издержки» как это делает модель Дайсон-Хадсон и Смита. Действительно, содержа-

ние обоих этих понятий («прибыль» и «издержки») зависит от мировоззрения и должно меняться вместе с ним. Кроме идеологии, другими важными факторами социальной структуры является история сообщества, (особенно в части касающейся регулирования доступа к ресурсам), его социальная организация и управление и его представительство в управлении на более высоком (региональном, федеральном) уровнях. Наконец, рассматривая правила, используемые индивидами во взаимоотношениях между собой, мы не должны ограничиваться меркантилистскими микроэкономическими моделями, сводящими человеческое поведение к погоне за материальным богатством. Влияние обычаев, таких как *ужа* у тувинцев-тоджинцев, представлений о духах-хозяевах территории, функций старейшин, обычного права и т. д. на практику регулирования доступа к территориальным ресурсам также должно учитываться. Мы надеемся, что более широкое сопоставительное изучение практик регулирования землепользования позволит в будущем создать такую теорию.

В заключение мы хотели бы заметить, что господствующий в настоящее время в политических кругах подход к вопросу прав на земельную собственность, основанный на работах Демщеца и Гардина (на которых, также основаны теории Дайсон-Хадсон, Смита и Кашдан в западной экологической антропологии), не только имеет теоретические проблемы, но и ведет к весьма негативным последствиям при практическом

применении. В соответствии с ним, только приватизация земельной собственности может вести к экономическому росту, устойчивому долговременному использованию территориальных ресурсов и «демократизации». Многие исследования, однако, показали, что по крайней мере в бывшем Советском Союзе приватизация земли и ограничение доступа к ней на основе прав частной собственности скорее препятствует развитию демократии и гражданского общества. (Anderson, 1996, 1998; Burawoy and Verdery, 1999; Hann, 1998; Humphrey, 2002; Verdery, 2003). Поэтому, пересмотр данной доминирующей теоретической парадигмы в настоящий момент представляется особенно важным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Вайнштейн, С. И. (1959) Род и кочевая община у восточных тувинцев (XIX — нач. XX вв.) // Советская Этнография. №6. С. 80-86.
- Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-Тоджинцы. Москва : Изд-во Восточной Литературы.
- Гоббс, Т. (2001). Левиафан. М.
- Гребнев, Л. В. (1955) Переход тувинских аратов-кочевников на оседлость. Кызыл : Тув. кн. изд-во.
- Дулов, В. И. (1956) Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX вв. М. : Изд-во Академии Наук СССР.
- Дунин-Горкавич, А. А. (1904) Очерк народностей Тобольского севера. Известия Императорского Русского Географического Общества, том. XL. СПб.
- Истомин, К. В. (2004) Этноэкологическая характеристика коми-ижемского оленеводства. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Сыктывкар.
- Крупник, И. И. (1989) Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования мор. охотников и оленеводов Северной Евразии. М.
- Локк, Д. (1988). Сочинения. М.
- Мельникова, Л. В. (1994) Тофы. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во.

- Моллеров, Н. М. (1991) Тываларнын чамдык чанчылдарынын утгундурган чылдагааннарынын бирээзи (Одна из причин забвения некоторых традиций тувинцев) // Традиции и обычаи тувинцев. Кызыл : Тув. кн. изд-во. С. 55-60.
- Новикова, Н. И. (2003). Правовые обычаи коренных народов севера: Кто напишет правила для оленеводов? // Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии. М. С. 125–139.
- Петри, Б. Е. (1926) Карагасский суглан. Иркутск : Школа ФЗУ «Печатник».
- Петри, Б. Е. (1927а). Охотничьи угодья и расселение карагас. Иркутск : Иркутский ун-т.
- Петри, Б. Е. (1927б). Оленеводство карагас. Иркутск : Изд-во «Власть труда».
- Петри, Б. Е. (1928) Промыслы карагас. Иркутск : Изд-во «Власть труда».
- Поворознюк, О. А. (2003) Природопользование каларских эвенков: государственное регулирование и традиционная нормативная система // Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии. М. С. 163–186.
- Пучкова, М. В. (2004) Обычай и федеральный закон // Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии. Норма, обычай, право / CD диск. Институт этнологии и антропологии РАН, 2004.
- Рагулина, М. Б. (2000) Коренные этносы сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков). Иркутской области. Новосибирск : Изд-во СО РАН.
- Рассадин, В. И. (1999) Традиционные формы хозяйства, быт и культура тофаларов до революции. Улан-Удэ : Инст-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.
- Салинз, М. (1999). Экономика каменного века. М.
- Скабеев, М. И. (1925) Промысловая охота в Урянхайском крае и ее особенности // Общественно-научный журнал «Северная Азия». Вып. 5-6. С. 115-122.
- Штуббендорф, Ю. П. (1854) О карагассах // Вестник Императорского Русского Географического общества. Ч. 12., кн. 6. С. 229-246.
- Anderson, David G. (1996) Bringing civil society to an uncivilized place: Citizenship regimes in Russia's Arctic frontier. In: C.M Hann and E. Dunn (eds.) *Civil Society: Approaches from Anthropology*. London: Routledge, 99-120.
- Anderson, David G. (1998). Property as a way of knowing on Evenki lands in Arctic Siberia. In: C. M. Hann (ed.) *Property Relations: Renewing the Anthropological Tradition*. Cambridge : Cambridge University Press, 64-84.
- Anderson, David G. (2000) *Identity and Ecology in Arctic Siberia*. Oxford : Oxford University Press.
- Banks, Tony (2002) *Pastoral Commons in Western China: A New Institutional Economics Perspective* (unpublished Ph.D. thesis). Brighton : University of Sussex.

- Bird-David, Nurit (1995) Hunters and gatherers and other people – a re-examination. In: Tim Ingold, David Riches and James Woodburn (eds.) *Hunters and Gatherers I: History, Evolution and Social Change*. Oxford and Washington : Berg, 17-30.
- Bromley, Daniel (ed.) (1992) *Making the Commons Work: Theory, Practice and Policy*. San Francisco : Institute for Contemporary Studies Press.
- Brown, Jerram (1964) The Evolution of Diversity in Avian Territorial Systems. *Wilson Bulletin* 76: 160-169.
- Burawoy, Michael and Katherine Verdery (eds) (1999). *Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World*. Lanham, MD : Rowman & Littlefield.
- Cashdan, E. (1983) Territoriality Among Human Foragers: Ecological Models and an Application to Four Bushman Groups. *Current Anthropology* 24(1): 47-66.
- Casimir, Michael (1992) The Determinants of Rights to Pasture: Territorial Organisation and Ecological Constraints. In: M.J.Casimir and A. Rao (eds). *Mobility and Territoriality: Social and Spatial Boundaries among Foragers, Fishers, Pastoralists and Peripatetics*. New York / Oxford: Berg. P. 153-203.
- Cooper, J. M. (1939) Is the Algonquian Family Hunting Ground System Pre-Columbian? *American Anthropologist* 41(1): 66-90.
- Demsetz, H. (1967) Toward a Theory of Property Rights. *The American Economic Review* 57(2): 347-359.
- Donahoe, Brian (2004) *A Line in the Sayans: History and Divergent Perceptions of Property Among the Tozhu and Tofa of South Siberia*. Unpublished Ph.D. dissertation, Indiana University Department of Anthropology.
- Donahoe, Brian (2006) Who owns the taiga? Inclusive vs. Exclusive Senses of Property among the Tozhu and Tofa of Southern Siberia. *Sibirica* 5(1): 87-116.
- Donahoe, Brian (in press). Trust or Domination? Divergent Perceptions of Property in Animals Among The Tozhu and the Tofa of South Siberia. In: Günther Schlee and Anatolii Khazanov (eds.) *Collective and Multiple Forms of Property in Land and Animals*. RoutledgeCurzon.
- Dyson-Hudson, R. and E. A. Smith. (1978) Human Territoriality: An Ecological Reassessment. *American Anthropologist* 80(1): 21-41.
- Feeny, David, Fikret Berkes, Bonnie McCay and James Acheson. (1990) The Tragedy of the Commons Twenty-Two Years Later. *Human Ecology* 18(1): 1-19.
- Field, Barry C. (1989) The Evolution of Property Rights. *Kyklos* 42: 319-345.
- Fondahl, Gail (1998). *Gaining Ground? Evenkis, Land, and Reform in South-eastern Siberia*. Boston : Allyn and Bacon.
- Forsyth, James (1992). *A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony 1581-1990*. Cambridge : Cambridge University Press.
- Hallowell, I. A. (1949). The Size of Algonkian Hunting Territories: A Function of Ecological Adjustment. *American Anthropologist* 51(1): 35-45.

- Hann, Chris (1998). The Embeddedness of Property. In: Chris Hann (ed.) Property Relations: Renewing the Anthropological Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1-47.
- Hann, Chris (2006). The Tragedy of the Privates. In: Chris Hann, "Not the Horse we Wanted!" Postsocialism, Neoliberalism, and Eurasia. Münster: Lit Verlag. P. 15-42.
- Hardin, Garrett (1968). The Tragedy of the Commons. *Science* 162: 1243-1248.
- Humphrey, Caroline (2002). The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies After Socialism. Ithaca : Cornell University Press.
- Ingold, Tim (1987). The Appropriation of Nature: Essays on Human Ecology and Social Relations. Iowa City : University of Iowa Press.
- Istomin & Dwyer, in press. Mobility and Technology: understanding the vulnerability of two groups of nomadic pastoralists to reindeer losses. In: Nomadic Peoples, Special Issue.
- Lehtisalo, T. (1959) Tundralta ja Taigasta. Muistelmia puolen vuosisadan takaa. Helsinki/Porvoo : Werner Söderström Osakeyhtiö.
- Mauss, Marcel (1990[1950]). The Gift. New York : W.W. Norton.
- McCay, Bonnie and James Acheson (eds.) (1987). The Question of the Commons: The Culture and Economy of Communal Resources. Tuscon: University of Arizona Press.
- Myers, Fred (1991). Pintupi Country, Pintupi Self: Sentiment, Place, and Politics among western Desert Aborigines. Berkeley : University of California Press.
- Myers, F. (1995). Burning the truck and holding the country: property, time, and the negotiation of identity among Pintupi Aborigines. In: T. Ingold, D. Riches and J. Woodburn (eds.) Hunters and Gatherers 2: Property, Power and Ideology. Oxford, Berg: 53-74.
- Ostrom, Elinor (1990). Governing the Commons. Cambridge : Cambridge University Press.
- Ostrom, Elinor, Roy Gardner, and James Walker (1994). Rules, Games, & Common-Pool Resources. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Ostrom, Elinor, Joanna Burger, Christopher Field, Richard Norgaard, and David Policansky (1999). Revisiting the Commons: Local Lessons, Global Challenges. *Science* 284: 278-282.
- Ostrom, Elinor, Thomas Dietz, Nives Dolšak, Paul Stern, Susan Stonich, and Elke Weber (eds.) (2002). The Drama of the Commons. Washington, D.C.: National Academy Press.
- Peterson, N. (1975) Hunter-Gatherer Territoriality: The Perspective from Australia. *American Anthropologist* 77(1): 53-68.
- Platteau, Jean-Philippe (1996). The Evolutionary Theory of Land Rights as Applied to Sub-Saharan Africa: A Critical Assessment. *Development and Change* 27: 29-86.
- Smith, Eric Alden (1995). Risk and uncertainty in the 'original affluent society': evolutionary ecology of resource sharing and land tenure. In Tim Ingold,

- David Riches and James Woodburn (eds) *Hunters and Gatherers I: History, Evolution and Social Change*. Oxford and Washington : Berg, 222-251.
- Verdery, Katherine (2003). *The Vanishing Hectare: Property and Value in Postsocialist Transylvania*. Ithaca : Cornell University Press.
- Witt, Ulrich (1987). *The Demsetz Hypothesis on the Emergence of Property Rights Reconsidered*. In: R. Pethig and U. Schlieper (eds.) *Efficiency, Institutions, and Economic Policy*. Berlin and Heidelberg : Springer-Verlag, 83-93.
- Wolf, Eric (1982). *Europe and the People Without History*. Berkeley : University of California Press.
- Ziker, John (2002a). *Peoples of the Tundra: Northern Siberians in the Post-Communist Transition*. Prospect Heights : Waveland Press.
- Ziker, John (2002b). *Assigned Territories, Family/Clan Holdings, and the Common-Pool Resources in the Taimyr Autonomous Region, Northern Russia*. Max Planck Institute for Social Anthropology Working Paper Series, No. 32.

¹ В их защиту можно, впрочем, заметить, что модели, основанные на теории рационального выбора, с успехом применяются для объяснения процессов естественного отбора в эволюции всех видов живых организмов. При этом, однако, не предполагается, что организмы сами совершают рациональный выбор, а утверждается лишь то, что эволюционные изменения рациональны в смысле повышения адаптивности организмов к окружающей среде.

² Нужно отметить, что авторы сами понимали данный недостаток своей работы. В одной из своих более поздних публикаций Смит отмечает: «Ретроспективно приходится признать, что модель экономической защищаемости в целом недостаточна, чтобы объяснить все разнообразие систем регулирования доступа к ресурсам у охотников и собирателей. Проблема частично заключается в том, что эта модель не способна привлечь во внимание политические механизмы регулирования этого доступа» (Smith, 1995: 245).

³ Термин «рыболовный», хотя он является дословным переводом указанного ненецкого названия, приходится в данном случае поставить в кавычки: насколько нам известно, почти все «рыболовные» семьи имеют оленей и занимаются оленеводством в зимний период.

⁴ Термин *мя'* дословно означает «чумы». Переводя это слово на русский язык, многие ненцы использовали термин «околодок». Термин «стойбище», однако, является более общепринятым как в литературе, так и в речи русскоязычного населения ЯНАО.

⁵ Примечательно в этой связи, что в одном из стойбищ — бригад бригадиром называли не того человека, который официально являлся таковым согласно документам СПК.

⁶ В ходе полевой работы было выявлено две основные модели кочевания. Более простая (кочевание «восмеркой») состоит из двух кругов — летне-

го (по открытой тундре) и зимнего (по облесенным участкам) — соприкасающихся в одной точке, где оленеводы оставляют на лето свою зимнюю одежду и инвентарь. Более сложная модель кочевания состоит из трех кругов, также соприкасающихся в одной точке — весеннее-летнего (по ерниковой тундре), летнее-осеннего (по лапте) и зимнего (по облесенным участкам). Хотя сами эти модели, по-видимому, устойчивы, каждое стойбище чуть ли не ежегодно переключается с одной из них на другую, а также меняет конкретные маршруты своих кругов, стараясь не проходить по одному и тому же кругу два года подряд.

⁷ Работники совхоза, впрочем, уверяют, что количество оленеводческих бригад в нем никогда не достигала цифры 24. Это подтверждается и совхозными документами.

⁸ Переводя этот термин на русский язык большинство информаторов использовали слово «песок» или словосочетание «рыболовный песок», что, однако, не является дословным переводом. В русско-ненецких словарях можно найти толкование слова «мара», как «берег, покрытый галькой», «галечник» (...), однако тазовским информаторам это значение слова неизвестно. Они употребляли это слово исключительно в смысле участка территории, на который «рыболовная» семья имеет право.

⁹ Эти данные были собраны Б. Донахо в ходе опроса 122 взрослых тофаларов в пос. Алыгджер в ноябре 2000 года.

¹⁰ Интересно, что тофалары отличаются в этом отношении от некоторых других народов Сибири, у которых наблюдалась прямо противоположная тенденция. Так у долганов и нганасан полуострова Таймыр после распада колхозно-совхозной системы индивидуальные охотничьи участки исчезли и вся охотничья территория стала общей собственностью (Ziker, 2002b).

¹¹ Аналогичный обычай, скорее всего, существовал и у тофаларов, хотя нам не удалось найти его описание в литературе. Впрочем, сходные обычаи характерны практически для всех культур северной Евразии — см. например описание обычая *нимат* у эвенков и других тунгусоязычных народов (Fondahl, 1998: 32 и Forsyth, 1992: 50) и «закона тундры» у долганов и нганасанов (Ziker, 2002a и 2002b). У тувинцев-тоджинцев словом *ужа* обозначался и другой обычай, согласно которому любой человек, встретив охотника только что убившего зверя, мог крикнуть «ужа!», и получить в подарок крестец животного (Дулов, 1956: 142-143).

¹² Ср. описание «закона тундры» на Таймыре у Зикера (Ziker, 2002a: Ch. 6; 2002b: 12).

¹³ Представление, что территориальные ресурсы принадлежат тому, кто «знает землю» (Anderson, 1998) было отмечено у многих народов Сибири — см. Anderson, 2000; Fondahl, 1998: 34. Интересно, что в случае тувинцев — тоджинцев это представление распространяется на всех, кто может добраться до ресурсов, вне зависимости от того, «знают» ли они по-настоящему землю или нет.

¹⁴ Интервью с Дембирелом Каранай, проведено в его доме, в п. Хам-Сыра Тоджинского района республики Тыва в июле 2001 года.

¹⁵ Например Вайнштейн пишет о 18-20 перекочевках в год (Вайнштейн, 1961: 66).

¹⁶ Так, например, переход от каменных орудий охоты к железным меняет относительную ценность каменного сырья и железной руды.

¹⁷ Хотелось бы отметить, что мы вовсе не придерживаемся идеалистического воззрения, что отказ от накопления материальных богатств и ограничение потребления ресурсов до уровня удовлетворения непосредственных нужд является необходимым атрибутом кочевых культур. Такое утверждение также страдает механицизмом и не поддерживается эмпирическим материалом. Однако можно, на наш взгляд утверждать, что у кочевников в целом меньше стимулов к материальному накоплению и неограниченному потреблению, чем у оседлого населения, что может способствовать формированию и сохранению определенных черт мировоззрения.

¹⁸ Согласно теории Гоббса, как известно, появление собственности необходимо требует возникновения государства, основной функцией которого является контроль над соблюдением права собственности. Эта мысль, насколько нам известно, так или иначе, присутствует во всех более поздних теориях государства и собственности, от либеральных до марксистских. На роль государственных административных институтов в поддержании практики регулирования землепользования указывал также Гардин (Hardin, 1968).